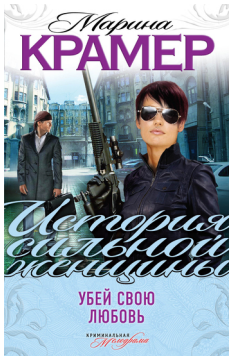
Марина
КРАМЕР
УБЕЙ СВОЮ
ЛЮБОВЬ

Марина Крамер

Убей свою любовь

Серия «История сильной женщины»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644215
Марина Крамер. Убей свою любовь: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50685-9

Аннотация

Александра сумела спасти своего отца и выжить в страшной бойне на речном причале, в которой погибли трое телохранителей и брат Вячеслав. Но ей по-прежнему ничего не известно о человеке, стремящемся уничтожить их семью. Конечно, у старых знакомых Сашиного отца есть достаточно причин для ненависти и, возможно даже, мотивов для убийства. Но кто тот единственный человек, ступивший на тернистый путь мести? Любимый муж Саши Акела выяснил – след ведет к Бесо, ближайшему другу семьи… Кружить вокруг да около – не в характере Александры: она, не откладывая, отправилась к Бесо с неприятными вопросами. Тот сразу вспомнил, что недавно по просьбе жены подписал два пустых листа… А вскоре после этого в машине Али и Акелы прогремел взрыв.

Марина Крамер
Убей свою любовь

Полутемный зал ресторана а-ля рюсс пустовал. Белые крахмальные скатерти, сияющие серебром приборы, прозрачные бокалы – все ждало вечера, когда здесь станет многолюдно. Сейчас же только в самом дальнем углу сидели двое: высокий худощавый мужчина и его собеседник, жирный, плешивый человек в дорогом свитере, явно, однако, нуждавшемся в стирке – настолько лоснились рукава. Перед худощавым стоял бокал минеральной воды, перед вторым – полноценный бизнес-ланч с борщом в горшочке, свиной отбивной с гарниром и рыбной нарезкой на длинной тарелочке.

– Я уверен, что делаю все правильно.

– Зачем тебе эта девка? Она ни на что не годная инвалидка, ты ее что же, собственноручно на каталке возить будешь? – презрительное фырканье сопровождалось отвратительным булькающим звуком – собеседник шумно прихлебывал суп из глиняного горшочка.

Тонкое породистое лицо сидящего напротив мужчины скривилось от омерзения:

– Ты свинья. Если бы не нужда – ни за что не связался бы.

– Брезгуешь? – без видимой обиды спросил второй, вытирая пальцами с подбородка капли огненно-красного борща. – Ну-ну. Чистюля, значит? Как в дерьмо лезть – так и я, свинья, гожусь, значит.

– Заткнись. Ты отвлекся. Что все-таки с девушкой?

– Говорю тебе – гиблый номер, она ни на что не годится.

– Я слишком хорошо ее знаю, чтобы верить тебе. Она ни за что не смирится, и именно поэтому я должен ее получить.

– Но…

– Все, я сказал!

Если бы плешивый мог читать мысли, то в этот самый момент узнал бы очень личную тайну этого совсем еще молодого, но уже очень влиятельного и опасного человека.

*** * ***

Раз-два… раз-два… Вверх-вниз… вверх-вниз… полежать на полу, отдышаться – и снова. Снова – пока не потемнеет в глазах. Только так – иначе я никогда не поднимусь, не стану прежней. Забраться с пола на кровать, вытянуться уставшим и дрожащим от напряжения телом, почувствовать прохладу постельного белья и закрыть глаза. Отдохнуть, унять дрожь в левой руке, на которой мне приходится отжиматься, сесть в постели и взять пистолет. Пока – муляж, детскую игрушку, но точную копию. Закрыть глаз, найти мишень, прицелиться. Резиновые пульки терзают бумагу на стене, а я потом – себя, собирая их по ковру, выковыривая из длинного ворса, чтобы снова засыпать в отделение, имитирующее обойму. Мне даже в голову не приходит попросить кого-то сделать это – я должна сама, только сама. Только это может меня спасти и вылечить, поставить на ноги и дать вспомнить то, что я умела раньше. Мозг мой сумел восстановить память – так почему он никак не позволяет организму восстановить двигательную и мышечную функции? Ничего, все равно справлюсь.

Эти упражнения я повторяю ежедневно – утром и вечером. И, если хватает сил, еще днем.

В коридоре за дверью послышался надсадный кашель – Семен, мой брат. Ко мне идет, скорее всего. После ранения, полученного полгода назад, Семен уже почти полностью восстановился, но кашель так и не проходит – пуля пробила бронх, остаточные явления. Мне досталось сильнее, и вот уже шесть месяцев я буквально за волосы ставлю себя на ноги

и заставляю двигаться пальцы непослушной правой руки. За попытку помочь брату разобраться с проблемами я поплатилась здоровьем – в буквальном смысле. Меня уволили с работы, и с этим тоже ничего нельзя поделать – какой теперь из меня преподаватель медицинского института? Руководство справедливо рассудило, что мне бы на ноги встать. И никакая диссертация, никакая безупречная работа не помогли. Как и папа, которому я категорически запретила вмешиваться. И – о, чудо! – мой непростой папенька согласился…

Семен вошел и присел на стул у двери:

– Привет, Сашура. Ну, как утро?

– Удалось, – я киваю на мишень, и брат снимает ее со стены, разглядывает вмятины, оставленные пульками на бумаге, и ухмыляется:

– Слушай, да ты просто монстр какой-то. С левой руки?!

– А что – у меня есть альтернатива? – Меня охватила злость: из-за него я тут лежу – такая, а он еще и подкалывает! Сидит себе как ни в чем не бывало – здоровый русоволосый бугай с широченными плечами и накачанными бицепсами, разве что покашливает, но это же мелочи! – Это у всех людей две руки, а у меня теперь – одна!

Я отвернулась к стене, и Семен расстроенно проговорил:

– Саш… я же не то имел в виду… Ну, что ты, маленькая моя, – он пересел на кровать и обнял меня. – Ты обязательно поправишься, ты же у нас сильная. Даже папа удивляется, сколько у тебя силы внутри. Давай, я помогу тебе одеться – и пойдем завтракать, там Галя таких слоек напекла – ммм, по коридору идти невозможно, того и гляди слюной захлебнешься. Давай-давай, Сашка, не лежи с кислым видом.

Он тормошил меня до тех пор, пока я не сдалась и не согласилась спуститься к завтраку. Брат помог мне облачиться в спортивный костюм и дойти до ванной. Это, кстати, не являлось проблемой. Я не стеснялась переодеваться при Семене, и дело не в братско-сестринских чувствах. Семен не интересовался женщинами – никакими. Так уж вышло, что ему больше нравятся стройные голубоглазые юноши. Если бы об этом узнал наш отец – не поручилась бы я за состояние здоровья старшего брата… Но я много лет хранила его тайну, а Семен знал, что у меня – как в банковской ячейке.

– Давай руку. – Брат уже спустился на пару ступеней по лестнице и теперь подстраховывал меня, но я помотала головой.

Специально для меня отец распорядился установить перила и с левой стороны лестницы, чтобы я могла самостоятельно спуститься и подняться, не прибегая ни к чьей помощи. Папа знал, как невыносимо мне быть беспомощной, мне – привыкшей всегда и все делать самостоятельно, любившей скорость и мотоциклы.

Нога слушалась гораздо лучше, хоть я и чувствовала себя Михаилом Козаковым в «Здравствуйте, я ваша тетя!» – точно так же не могла согнуть ее в колене, а потому при ходьбе выглядела смешно. Но ничего, это временно – вот и мой доктор Фо Ду, толстый маленький китаец, друг моего мужа, говорит, что это скоро пройдет, и ежедневно мучает меня каким-то нечеловеческим массажем с пахучими маслами.

За столом уже сидел отец – так уж повелось, он всегда просыпается раньше других, но завтракать мы должны все вместе. Исключение составляет, пожалуй, только мой муж Саша. Он начальник службы безопасности папиного банка, уезжает на работу затемно и так же возвращается, и папа по этому поводу не говорит ни слова. Если бы не Саша – меня давно не было бы в живых. Муж спасал меня дважды, в последний раз – подставив себя под пулю снайпера. Едва оправившись после ранения, он начал работать, а потому принял решение временно переехать в дом отца – чтобы я не оставалась одна в большом доме, пусть и под присмотром охраны. Я была ему благодарна и понимала, насколько ему трудно далась фраза «Мы переезжаем к отцу». Мой муж слишком самостоятельный и взрослый, он на двадцать лет старше меня, почти ровесник отца – и существовать под одной крышей с тестем ему,

конечно, довольно сложно. Но ради меня, ради того, чтобы я не была одна – беспомощная, еле передвигающаяся, – он сумел сделать выбор и решить так, как лучше для меня.

– Санька, доброе утро, – отец встал со своего места и подошел ко мне, взял за руку. Даже он, далеко не самый высокий мужчина, и то прилично выше меня, я в семье оказалась самой маленькой – сто шестьдесят еле-еле, тридцать шестой размер ноги и вес, который даже неприлично озвучивать.

Забавно, но при этих данных я считаюсь девушкой с мужским характером и привычками, и это вполне соответствует действительности. Папа порой искренне жалел, что я не родилась мужчиной.

– А ты чего дома-то? – не совсем любезно поинтересовалась я у отца. – Говорил же, что поедешь в банк.

– Не поехал, – коротко обрезал папа, усаживая меня за стол. – Ты что замер? Садись! – Это относилось к Семену, замешкавшемуся в коридоре.

– Да, пап, секунду – мне звонят. – Шаги Семена стихли – ушел в дальнюю комнату.

Отец недовольно поморщился – ждал нас к завтраку, не начинал, а тут Семен с какими-то разговорами. Правило садиться за стол всем вместе появилось в нашей семье после того, как папа вернулся после очередной отсидки и взял все в доме в свои руки. И мы соблюдали это правило, собираясь за длинным столом – Слава, старший брат, когда был еще жив, Семен, я. Потом к нам присоединились сперва Юлька – Славина жена, потом Акела – мой муж. И только Семен всегда оставался один – по понятным причинам привести в дом кого-то из своих любовников он не мог.

Теперь нас четверо. Юлька прочно обосновалась – не без папиного участия – в одиночной палате наркологической клиники, а Слава уже больше полугода на кладбище. И мы до сих пор так и не знаем, ни кто заказал моего отца, ни кто стрелял в меня и Семена. В общем, все сложно и запутанно, и папа, кажется, уже отказался от мысли найти крайнего. Папа – но не Акела. Мой муж продолжает поиски, горя желанием, во-первых, наказать обидчика, а во-вторых, устранить опасность.

Завтракали молча. Папа был странно угрюм и погружен в какие-то размышления, Семен заметно нервничал и торопливо хлебал кофе, словно спешил покончить с едой и куда-то сбежать. Частые торопливые глотки заставляли его кашлять, он отворачивался, гулко бухал в кулак, отец морщился и наконец не выдержал, бросил на стол салфетку:

– Что мечешь, как голодная утка?! Торопишься куда?

– Д-да, – выговорил брат в перерывах между приступами кашля. – Уехать мне надо срочно.

– Зачем?

– В клубе проблемы.

Недавно Семен стал хозяином ночного клуба и теперь все больше времени проводил там. Я как-то ехидно подколола его на тему ориентации заведения, но брат только головой мотнул:

– Ты что, Санька? Нормальный клуб, для всех – ты ж понимаешь…

Я понимала. Папа не оставил бы от заведения даже фундамента, если бы узнал, что оно для людей нетрадиционной ориентации.

Отец был в принципе доволен тем, что Семен занялся делом. Он считал моих братьев неудачниками, не способными в силу слабости характеров стать уважаемыми людьми. Покойный Слава номинально числился председателем правления одной из папиных фирм, что не помешало ему выгрести из отцовского кармана приличную сумму денег для покрытия игорных долгов своей жены. Результатом явился срыв тендера на один очень важный объект, в который отец уже вложил большие деньги. Слава начал выкручиваться и попал на крючок к каким-то людям, потребовавшим у него помощи в устранении отца. Мой брат к

тому времени уже сильно пил и очень испугался, однако все-таки сдался и уступил требованиям. Если бы не мой муж, папа не сидел бы сегодня за столом, намазывая на свежую слойку апельсиновый джем, а гнил бы на кладбище в той самой могиле, где сейчас лежит мой старший брат. Но именно Акела смог подменить фотографию, данную киллеру Славкой, на фото самого Славки. Папа, когда узнал, едва не убил моего мужа, посмевшего посягнуть на отцовское право принимать решения. Однако, немного остыв, отец – надо отдать ему должное – разобрался в ситуации и признал правоту Акелы. Так уж вышло, что Акела в нашей семье – кто-то вроде штатного ангела-хранителя, моего и папиного.

* * *

Семен уехал, а я поднялась к себе и, не чувствуя усталости, снова взялась за пистолет. У меня был взрослый разряд по стрельбе из пневматического оружия, папа в детстве отдал меня в секцию, и там я развернулась вовсю, выиграв множество самых разных соревнований. Это очень пригодилось мне в жизни, а сейчас я пытаюсь восстановить если не былую форму, то хотя бы научиться владеть оружием с другой руки. Я правша, но правая рука работает пока плохо, и потому я тренирую левую. Процент попаданий оказался несравнимо ниже, но все-таки я, несомненно, продвинулась.

Мне очень хотелось попробовать стрелять из настоящего пистолета, почувствовать в руке привычную тяжесть, запах горячего металла после выстрела – все то, что всегда вызывало во мне взрыв эмоций. Но для этого сперва нужно научиться твердо стоять на ногах.

Я дотянулась до привязанной к ножной спинке кровати толстой резине и просунула правую ногу в петлю. Вправо-влево, вверх-вниз – это упражнение, выполняемое по нескольку раз в день до боли в суставах, помогало мне восстанавливать ногу. Упругая резина оказывала нужное сопротивление, мышцы крепли, восстанавливались. Я преодолевала себя каждый день, каждую минуту, не жалея сил и времени, не жалея себя, не позволяя расслабиться или не выполнить намеченного на день плана. Именно это упорство и позволило мне довольно быстро начать передвигаться самостоятельно. И в том, что скоро я буду нормально ходить, я тоже не сомневалась.

* * *

Вечером муж вернулся мрачнее тучи. Молча чмокнул меня в щеку и начал раздеваться, повернувшись ко мне спиной. Я с трепетом наблюдала за тем, как обнажается спина с накачанными мышцами, покрытая хитрой вязью японской татуировки. Чуть правее левой лопатки татуировка испорчена шрамом пулевого отверстия. Получилось, что у самурая, занесшего копье над поверженным врагом, нет головы и верхней части туловища – только замершая в замахе рука. Эта пуля предназначалась мне…

– Что-то случилось? – спросила я, подтягивая зажатую петлей правую ногу и придерживая ее, чтобы не уползала обратно в горизонтальное положение.

Саша не ответил, переоделся и сел ко мне на кровать:

– Ну, как ты сегодня? Как нога?

– Нога на месте. Не уклоняйся, я ведь спросила.

– Аля, случилось уже давно. Просто сегодня… В общем, со счетов одной из фирм пропала крупная сумма денег. Сейчас пытаюсь отследить, но это трудно.

– Ты подозреваешь, что кто-то из своих?

– И да и нет. С одной стороны, доступ к счетам имели только свои – а с другой… Просто некому. Главбух фирмы работает сто лет, с момента открытия – ей просто нет смысла, у нее зарплата такая, что она и пачкаться побрезгует, да и дети опять же. Кто-то из совета

директоров? Тоже вряд ли – там Бесо, а он, сама понимаешь… – муж замолчал, машинально поглаживая мою руку и глядя в стену.

Он был прав – Бесо не мог, он – папин друг, почти брат, они сидели вместе, постоянно рядом, всю жизнь – сколько я помню. Нет, кто угодно – но не Бесо.

Мне очень не нравилось то, что муж непривычно хмур и озабочен. Ему бы побольше отдыхать, а у него весь отдых-то был в то время, когда он лежал с ранением в больнице. Едва встав на ноги, он кинулся ко мне – как, что, вернулась ли память. Дело в том, что расстались мы как раз в момент моего частичного беспамятства – я категорически не помнила, кто он мне, и даже его колоритная внешность – ожог во всю левую половину лица и черный кружок вместо левого глаза – не будили воспоминаний. Саша не знал, что именно в тот момент, когда он закрыл меня собой, приняв телом предназначавшуюся мне пулю, я все вспомнила.

Наша встреча сразу после его выписки была похожа на окончание мелодраматического фильма. Я, с наполовину обритой головой и свежим красным рубцом, не владеющая правой половиной тела, и он – осунувшийся, похудевший, с измученным тревогой за меня лицом. Он замер на пороге, и я увидела в его глазах не подвластный ничему страх: а ну как снова заору – мол, вон отсюда, я тебя не помню? Я видела, что он ждет этих слов и не знает, как ему жить дальше. Я ничего не сказала, просто молча протянула левую руку и поманила его к себе. Акела сделал пять шагов и тяжело рухнул на колени у кровати, склонив бритую голову с косой на затылке. Я опустила руку и погладила эту склоненную голову, меня вдруг всю затрясло от сдерживаемой истерики – никогда не позволяла себе плакать при муже, никогда – и неровные белые шрамы на запястьях всякий раз напоминали мне о данном самой себе обещании. Несколько лет назад я вскрыла себе вены ножницами, потеряв не родившегося еще ребенка и возможность иметь детей в будущем.

– Аленька… – пробормотал муж. – Ты… узнала меня?

– Я давно тебя узнала, – дрожащим голосом проговорила я и закусила губу – владеть собой стало трудновато. Я все гладила и гладила его голову, и в памяти всплывали какие-то совершенно сумасшедшие воспоминания. Он носил меня на руках – так часто, как только мог, я настолько меньше его, что мой вес практически незаметен для него, высокого, сильного и тренированного. Он ездил со мной за город по выходным – на поляну глубоко в лесу, и там я стреляла из пистолета, а он, скинув куртку и майку, в любую погоду тренировался с шестом или мечом. Даже теперь я помнила, какие эмоции вызывало у меня его тело, замиравшее в разных боевых стойках – он казался мне идеальной скульптурой. Безупречное тело.

– Саша… прости меня… – мне так хотелось сказать ему эту фразу в те дни, когда он лежал в больнице, а у меня не было возможности быть рядом с ним, прикасаться к нему, подавать воду – да что угодно.

Увы, я сама в тот момент нуждалась в уходе, да и сейчас еще нуждаюсь. Но воспоминания о том, как я гнала Сашу от себя, как отталкивала и закатывала истерики, жгло. Он поднял голову:

– Не говори этого. Я не сумел тебя уберечь. Не смог предотвратить.

«Глупости! – хотелось крикнуть мне. – Глупости, я просто не дала тебе этой возможности, не сказала, куда и зачем еду, ослушалась твоего запрета и уехала из дома. Но я не могла бросить брата – не могла, отец учил нас стоять один за другого! И даже намекнуть тебе о поездке не могла – в заложниках у каких-то наркоторговцев оказался любовник Семена, а я даже тебе, любимому мужу и лучшему другу, не могла доверить тайну брата. И ты не виноват, а потому мне невыносимо слышать, как ты себя винишь».

Но я промолчала. Всегда так трудно делать выбор между голосом крови и мужем…

* * *

Я лежала без сна всю ночь. Саша провел вечер в кабинете моего отца, куда категорически был запрещен доступ всем домашним. Раньше я презрела бы это обстоятельство и прокралась в небольшую комнату рядом с кабинетом, чтобы услышать хотя бы что-то, но сейчас мне трудно было сделать это так, чтобы меня не обнаружили – маневренность и быстрота пропали. Я мучилась неведением весь вечер, приставала потом к мужу с расспросами, но тот молчал. Мне хорошо известно – если уж сразу не сказал, то бесполезно расспрашивать.

Саша уснул почти мгновенно, едва только коснулся головой подушки. Я же долго лежала на боку, опираясь на левую руку, и рассматривала лицо спящего мужа. Странно – я никогда не боялась его, не вскрикнула при первой встрече, ни разу не подумала о том, что он уродлив, хотя даже домработница Галя первое время чуть не в голос орала, столкнувшись с ним в коридоре. Я же не считала вид мужа ужасным или – не дай бог – отвратительным и отталкивающим. Вторая, здоровая половина его лица была мужественной и вполне привлекательной, а единственный глаз умел смотреть так, что у меня внутри все переворачивалось от восторга. Никакие шрамы на лице не могли сделать Акелу непривлекательным или нежеланным для меня.

Я прислушивалась к его ровному дыханию и чувствовала себя счастливой. Да, пока я не могу нормально ходить – но я в здравом уме, владею левой рукой, разговариваю. И у меня самый лучший мужчина, которого только можно себе представить. Я не знала до него других – и не жалела об этом ни секунды, искренне считая, что не имело смысла грызть семечки, когда в руки сразу попал огромный торт. У меня было много знакомых – в конце концов, я полтора года вращалась в довольно большой компании байкеров, да и занималась мужским видом спорта, однако все эти молодые люди и мальчики не вызывали у меня никакого интереса. Когда появился Акела, я сразу поняла: я должна быть только с ним, только с ним – потому что меньшего мне не надо. Хочу иметь все – и сразу. Он, конечно, разгадал мой маневр – да и что там разгадывать, когда все и так было написано на моем лице. Акела честно сопротивлялся – сколько мог. Но я выиграла и сумела убедить отца в том, что лучшего мужа мне не найти – да и не буду я искать. Папа поворчал, но согласился. Сашка оказался именно таким, как я и думала: спокойным, серьезным, немногословным и очень надежным. Таких людей сравнивают с морскими утесами, о которые разбиваются волны. Я чувствовала себя за его спиной в полной безопасности. Проблема была в другом – имея характер авантюрный и вспыльчивый, я совершенно не терплю запретов и давления, а потому иной раз влипаю в неприятности. Муж потом долго и терпеливо объяснял, почему не надо было так делать, как нужно было себя повести – словом, воспитывал. Я кивала головой, искренне раскаивалась – и снова куда-то влезала. Такой характер…

Саша прощал, хотя и не оставлял попыток перевоспитать меня. Но он настолько любил меня, что потакал любым капризам – как и отец. Едва только я, почувствовав, что могу владеть левой рукой и слегка – правой, сказала, что хочу возобновить занятия стрельбой, как муж мгновенно нашел выход из положения и купил мне детский пистолет, практически полностью имитировавший настоящее оружие. Именно Саша каждое утро вешал на стену новую бумажную мишень, чтобы я могла, едва открыв глаза, начать упражнения. Именно Саша отдавал все свое свободное время, чтобы помочь мне встать на ноги. Именно Саша верил в то, что я буду прежней – только Саша, потому что ни отец, ни брат не верили. Уверенность мужа передавалась мне – я не могла подвести его, разочаровать. Я должна соответствовать.

Рассматривая ночью лицо спящего мужа, я иногда думала о том, что было бы, не прояви я такую баранью настырность в свое время. Он ни за что не сделал бы ни шагу в мою

сторону, понимая, что отец никогда не позволит ему, наемнику, человеку, умеющему убивать и делающему это запросто, прикасаться к его дочери. Но я сразу почувствовала, что никогда больше не встречу человека, которому смогу довериться полностью и с которым захочу прожить жизнь. Сашка потом часто посмеивался – мол, старый прожженный волк не совладал с крошечной мышью. Но где ему? При всем своем миниатюрном сложении и внешней воздушности я имею характер мужской и жесткий, куда сильнее, чем даже у отца – что уж говорить о братьях.

– Ну ты же девочка… – иногда почти растерянно говорил отец, когда я в очередной раз оказывалась «на коне», и я только фыркала:

– Тоже мне – поисковый признак.

Папа сам отчасти виноват в том, что я выросла такой. Он воспитывал меня один с семи лет, когда вернулся после очередной – и последней – отсидки, а мама ушла, бросив меня и братьев. Слава и Семен были уже взрослыми, и воспитать в них характер отец уже не мог, а я… Меня, малолетнюю, папа научил многим вещам, которых девочка знать и уметь не обязана. Именно папа отдал меня в секцию спортивной стрельбы, разрешил учиться водить мотоцикл, а затем и машину, объяснил святое правило «свой за своего» – и я следовала этому всю жизнь.

* * *

Я открыла глаза, и тут же в ухо мне буквально впился, как комар, громкий крик – так вопить мог только папа, и только в крайнем случае. Определенно случилось что-то, сумевшее с утра пораньше вывести из себя моего родителя. Я села в постели, потянулась левой рукой вверх, размяла плечо и решила пренебречь сегодня утренней тренировкой в стрельбе, потому что уж больно громко он орал – как бы инфаркт не спровоцировал.

Наскоро сполоснув лицо и натянув спортивный костюм, я пошла вниз. Крик отца доносился из гостиной, и это было странно – обычно он решал все свои дела в кабинете. Не удосужившись как-то предварительно обозначить свое появление, я начала с порога:

– Папа, успокойся! Тебе нельзя… – и осеклась под гневным взглядом раскрасневшегося от крика родителя:

– Кто тебе позволил входить?!

Я обвела взглядом комнату и увидела в кресле у камина бледного Бесо. Он то и дело вытирал платком потный лоб и бормотал что-то. Папа же был просто в ярости – красный, расхристанный, как после драки, кулаки сжаты, глаза светятся неприкрытой злобой. Что это тут у них?

– Александра! – рявкнул отец, заставив меня вздрогнуть, но сдаваться я не думала:

– Не кричи! Я тебя просила – относись к своему здоровью внимательнее, хватит в доме одного инвалида!

– Во-о-он! – заорал отец, сделав шаг в мою сторону, и я сочла за благо выйти, но не потому, что боялась, а просто видела – он вот-вот совсем потеряет голову. Лучше отступить и прибегнуть к испробованному за много лет и совершенно безотказному способу – уйти в соседнюю комнату и тихонько покурить там, прислушиваясь к разговору. Тем более что сегодня и напрягаться особенно не надо – так громко орет. Главное, чтобы в пылу беседы он не вспомнил о моей привычке…

Но отцу было не до меня. Судя по тому, что он говорил Бесо, тот вляпался в какую-то некрасивую историю и теперь пытался оправдаться. И пахло это дело не чем иным, как наркотиками. У меня в голове вдруг зашевелились нехорошие воспоминания. Братец Сема в свое время едва не погорел именно на этом – на торговле кокаином. Однако выяснить, откуда

он его брал, я так и не смогла. И вот снова «наркотическая тема» всплывает в нашем доме. Не к добру это.

– Фима, ты слову моему не веришь? – верещал меж тем Бесо в соседней комнате. – Ты ж брат мне! Мамой клянусь – я не знал!

– Не знал?! Ты не знал, что в твоем клубе толкают кокс чуть ли не вместе с входным билетом, паскуда?! Ты не знал, что менты устроили подряд три проверки с контрольной закупкой, и все три оказались удачными?! – гремел папа.

– Фима, ты ведь знаешь – я в клубе давно не появляюсь, там Резо управляющим, у него все всегда…

– Все всегда?! Так это твой щенок горбоносый замутил?!

Резо – племянник Бесо, которого тот усыновил, когда мальчик остался без родителей, – почти мой ровесник, мы с ним много времени проводили вместе в детстве, а потом как-то потерялись. Хотя, если честно, помнить всю родню Бесо и Медеи попросту невозможно – в их доме, кроме трех дочерей, постоянно гостят многочисленные племянники и племянницы, коих великое множество. Резо приемный отец отправил учиться в Пражский университет, я поступила в медицинский, и потом мы почти не виделись. Я даже затруднилась бы сказать сейчас, как именно выглядит мой приятель. Значит, теперь он управляет отцовским ночным клубом, и в этом самом клубе милиция обнаружила кокаин. Да уж…

– Короче, Бесо. Если через три дня ты мне не притащишь сюда того, кто поставляет кокс в твой клуб, я больше ни за что не ручаюсь, – папа вдруг заговорил почти спокойно, и это совсем плохой признак – после такого обычно ничего хорошего не следовало. – Ты понял?

Что ответил Бесо, я не услышала, но решила все-таки выйти в коридор и проводить его. Мне до слез было жаль старого толстяка, который всегда хорошо ко мне относился.

Я успела догнать его уже в прихожей, схватила за рукав пальто, и он обернулся, охнул по-стариковски:

– Санька! Ты чего тут?

– Тебя провожаю. Чего это вы с утра пораньше? – я кивнула в глубь квартиры, туда, где находился отец, и Бесо тяжело вздохнул:

– Ой, Саня, не вникай. Сам ничего не пойму. Три дня сроку… – Он снова вытащил платок и вытер лоб.

– Хоть наколки-то есть? – не отставала я, но Бесо только махнул пухлой рукой:

– Не вникай, сказал! Без тебя тошно, Санька. Ладно, поеду.

Он поцеловал меня, добавил что-то по-грузински и вышел. Через закрытую дверь я услышала, как он орет на своих охранников, как ревут джипы, вылетая за ворота, и вот все стихло.

Ситуация мне совсем не нравилась. А главное – до вечера еще так далеко, а ведь поговорить об этом я могу только с мужем. Ну что ж – придется совершить незапланированный вояж в город. Первый, кстати, за все время – я очень стеснялась своего вынужденного инвалидного положения и потому отклоняла все предложения мужа прогуляться. Но сегодня я просто лопну, если не поговорю с Сашей, а потому – ну их к черту, мои комплексы.

* * *

Сборы не затянулись. Я практически не прибегала к помощи косметики – зачем, когда моя инвалидность видна и так? После ранения в голову я, придя в себя, попросила вызвать парикмахера и остригла свои кудрявые волосы «под ежик». Собственный вид в зеркале сперва шокировал, но потом я постепенно привыкла и так больше и не отращивала волос. Короткий черный «ежик» мне шел – это вынужден был признать даже муж, испытавший при виде меня шок.

– Ты стала совершенным сорванцом. И так-то никогда особо на девочку не походила – вечно в косухе своей и в берцах, а теперь и вовсе, – укоризненно изрек Саша, однако я видела, что ему нравится мой новый образ.

Без волос стало куда проще – не нужно мучиться с укладкой, пытаться выпрямить буйные кудри, которые практически не подчинялись ни шпилькам, ни заколкам. Мне, с моей одной рукой, это было бы совсем затруднительно, а просить каждый день Галю – ну, на это у меня просто терпения не хватило бы. С самого детства я занималась прической сама, мама проявляла мало интереса, а когда она ушла, то не отцу же было плести мне косы. Хотя Семен, например, вполне справлялся, если было нужно.

Сегодня же я наскоро припудрила лицо, как сумела, подвела глаза черным карандашом, а губы подмазала темной бордовой помадой. Собственно, с макияжем и прической на этом было покончено. Старые джинсы, футболка, туфли без каблука, длинный бордовый кардиган, наброшенный на плечи – на всякий случай, – все, я готова.

Не рискуя навлечь на свою голову папин гнев, я послушно взяла с собой охрану. Ребята были рады проветриться, потому что никуда, кроме как в лес, они со мной не выезжали, а жили все трое здесь же, в соседнем поселке.

– Куда едем? – поинтересовался водитель Никита, он же по совместительству мой личный телохранитель, если вдруг я собиралась выехать с минимумом охраны.

Он вывел за ворота черную папину «бэшку» – эта машина не нравилась отцу, и ею пользовалась я, когда было нужно.

– В офис к Акеле.

– Чего вдруг?

Я покрутила пальцем здоровой руки у виска, давая понять водителю, что он очень уж расслабился. Отношения с охранниками у меня были приятельские – иначе и нельзя, они меня в буквальном смысле иногда на руках носили, – но и выходить за рамки я им тоже не позволяла.

До крыльца здания банка я доковыляла, опираясь на руку Андрея – самого «возрастного» из моих охранников, коренастого сорокалетнего мужчины с такими невероятно синими глазами, что меня всякий раз подмывало спросить, не носит ли он контактные линзы. Но на крыльцо поднялась сама – научилась уже отлично справляться с этим, разворачиваясь левым боком и стараясь как можно меньше задействовать правую ногу. В какой-то момент я вдруг словно увидела себя со стороны – ковыляющая калека. Вот сейчас я войду в здание банка и той же переваливающейся походкой пойду в кабинет мужа. И все будут провожать меня сочувственными взглядами, жалеть и прятать ухмылки: к начальнику службы безопасности жена явилась – хромая утка, стриженная наголо. От подобной перспективы я почему-то не пришла в отчаяние, как могло бы логично оказаться, а разозлилась на себя. В конце концов, хватит уже лежать, нужно искать новые методы. Есть же центры какие-то для реабилитации, есть врачи – так какого черта…

Приняв решение, я почувствовала себя намного лучше и увереннее. В конце концов, Сашка – адекватный взрослый человек, а не молодой стрекозел, которого волнует в женщине только внешность.

Когда я вошла в разъехавшиеся передо мной стеклянные двери, муж уже спустился по лестнице и быстрыми шагами пересек холл:

– Аленька! Что-то случилось? – По лицу мелькнула тень беспокойства, но я отрицательно покачала головой:

– Нет. Просто захотелось тебя увидеть.

Муж растерянно заморгал единственным глазом, а я в который раз удивилась тому превращению, что происходило с ним после облачения в строгий костюм, никак, по моему мнению, не вязавшийся с его обликом. Этот диссонанс между безукоризненно отглаженными

брюками, пиджаком, белой рубашкой с черным галстуком и бритой головой с длинной косой на макушке и кожаной повязкой на левом глазу смущал не только меня. Папа тоже иной раз ворчал, что начальник службы безопасности серьезного учреждения не должен выглядеть таким образом. Однако Саша невозмутимо отвечал, что его брали на работу не за внешнее соответствие, а за деловые качества, а их во что ни упакуй – не изменятся.

Кабинет мужа находился на втором этаже, и Саша никогда не пользовался лифтом, но сегодня ему пришлось изменить своему правилу – я не поднялась бы без посторонней помощи по гладким мраморным ступеням, да еще и под прицелами любопытных взглядов сотрудниц. Определенно мой муж тут пользовался успехом…

Не скажу, что меня уколола ревность – скорее я сделала для себя вывод о правильно принятом решении. Нужно заняться собой, обязательно приблизить свое состояние к максимально нормальному. Я понимала, что прежней уже не буду, но свести последствия ранения к минимуму вполне могу.

– Ты что такая сосредоточенная? – с улыбкой спросил муж, усаживая меня в большое кресло в кабинете.

– Думаю, – коротко бросила я. – У тебя курить можно?

– Тебе можно.

– Есть преимущество быть инвалидом, – ухмыльнулась я криво и достала сигареты и зажигалку.

– Перестань, Аля.

– Да, хорошо. Саш… надо поговорить.

– Ну, я так и догадался, – улыбнулся муж, усаживаясь напротив. – Иначе что могло заставить тебя встать с кровати и приехать? Что случилось?

Я помолчала, сделала еще пару затяжек и, решительно ткнув окурок в пепельницу, заговорила. Я выложила все, что услышала сегодня утром дома, опустив, однако, тот факт, что наш Семен полгода назад тоже был связан с какими-то наркодилерами. Я не могла сказать об этом – иначе пришлось бы выложить и правду про личную жизнь брата, а говорить об этом даже мужу было чревато. Чужая тайна постепенно становилась непосильной ношей, которую никак нельзя бросить, а потому приходится тащить.

– Не понимаю, что тебя так обеспокоило, – Саша сложил руки перед собой и пристально посмотрел мне в глаза. – Это разборки Фимы и Бесо. Зачем тебе это?

Действительно, зачем? Вот этот момент я и не продумала, когда ехала сюда. С чего бы мне лезть в папины дела?

– Аля, я жду.

– Саш… ну, он же мой отец! У него инфаркт был, сердце совсем никудышное…

– Так, прекрати эту богадельню! – чуть повысил голос муж, и я уловила в нем те самые нотки, появление которых ничего хорошего не обещало. – Твой отец, если ему будет нужно, переживет любого столетнего кавказца. И нечего мне здесь разыгрывать сцену «любящая дочь у смертного одра папеньки»!

Замечательно! Если я сейчас же, на ходу не изобрету что-то, мне придется сказать ему правду. А это означает – нарушить данное много лет назад Семену обещание молчать. Акела по своим взглядам был схож с отцом и ни за что не понял бы Семкиного пристрастия к парням. Удивительно еще, как старый Бесо, давно догадавшийся об этом, молчал. Я всякий раз замирала в ужасе, когда им с Семеном выпадало столкнуться в доме отца. Но Бесо, верный данному мне слову, молчал.

– Аля! – напомнил муж, и я отвлеклась от мыслей о брате.

– Саш… я действительно волнуюсь за отца. Мне кажется, опять что-то происходит – что-то такое, из-за чего в прошлый раз все пошло кувырком. Ты же видишь, какой он

в последнее время? – горячо заговорила я, глядя мужу в глаза как можно более честно и открыто. – Да и ты… Ты ведь тоже что-то знаешь?

Саша помолчал, а потом, наклонившись ко мне через стол, прошептал:

– А ведь ты совершенно права, Алька. Ты знаешь, где нашлись деньги, уведенные со счетов одной из фирм? На счету небольшой фирмочки, совладельцем которой является Бесо. Небольшая такая конторка – туристическое агентство.

– Что?!

– Т-с-с! – муж сжал мою руку и продолжил: – Я приставил к Бесо человека, но это ничего не дало. Старый черт ведет себя так, словно вообще не в курсе. А деньги – там. Лежат себе. Чувствуешь, чем пахнет?

– А то…

Но в голове у меня никак не укладывалось – чтобы Бесо, старый Бесо, который прошел с отцом бок о бок почти всю жизнь! Бесо, спасший отца в лагере, когда на него совершили нападение ночью в бараке, Бесо, подставивший собственную грудь под финку наемника! Он едва не умер потом в санчасти от потери крови, и уже отец вытаскивал его с того света – у них оказалась одна группа. Нет, этого просто не могло быть – чтобы после такого человек взял и отмел все за не такую уж заоблачную сумму. И кому, как не Акеле, это понимать.

– Саша… этого просто не может быть! – Я вырвала свою руку из его ладони и сжала пальцами переносицу. – Ты понимаешь? Кто угодно – но не Бесо!

– Да? Не Бесо? Ты считаешь, что я оговариваю его?

Саша встал и подошел к большому сейфу, укрепленному в простенке окон. Набрал код и вытащил тонкую зеленую папку, которую швырнул на стол, и она скользнула ко мне.

– Мне нужно отойти по делам, человек ждет. А ты посиди пока и почитай.

Хлопнула дверь. Я поежилась – тон мужа был таким, что не оставалось сомнений: Сашка разозлился, я обидела его недоверием.

Вздохнув, я потянула к себе папку и открыла. Документы, счета какие-то, ряды и колонки цифр… Я ничего в этом не понимаю. Но название турфирмы «Ковчег» увидела на нескольких бумагах, а это значило, что Бесо действительно причастен к махинациям. Как же мне не хотелось верить в это, как же было страшно, что сказанное мужем окажется правдой – и вот я держу в руках документальное свидетельство.

Сигарета показалась отвратительной, как будто имела вкус предательства. Что будет с отцом, когда все откроется? Самое страшное – разочароваться в человеке, с которым тебя объединяет кровь. Папа еле пережил то, что сделал мой старший брат…

И тут до меня дошло. А что, если я сама поеду к Бесо и поговорю с ним? Вот прямо сейчас сниму копии со всех документов, благо в углу стоит ксерокс, и отправлюсь?

Быстро сняв копии, я сунула полученные листы в сумку и уселась на прежнее место – мне нужно было дождаться мужа, чтобы попрощаться и не вызвать подозрений. Понятное дело, говорить Сашке о визите к Бесо я не собиралась.

* * *

Почему я совсем не помню себя ни в возрасте трех-четырех лет, ни в возрасте четырнадцати? Какая-то странная амнезия. Обычно люди помнят яркие моменты даже раннего детства, хотя бы игрушку, какое-то помещение, деталь одежды, да хоть воздушный шар, а я – ничего. Как будто появилась на свет пятилетней. А в четырнадцать – что случилось? Куда выпал год моей жизни? Папа утверждает, что не было никаких значительных событий, мы уже жили втроем – он, Семен и я, Слава к тому времени женился. Но я не помню этого. Свадьбу Славкину помню, а что было потом – нет. Так ведь не бывает, правда?

* * *

Дом Бесо был выстроен в лучших традициях грузинской архитектуры и напоминал замок старинного княжеского рода. Острые башенки, кирпичный забор с плитами из речного камня, изготовленными явно вручную. Узкие окна арочного типа, а сам дом выложен из белого кирпича и кое-где облицован песочного цвета мрамором. У Медеи собственная здоровенная оранжерея в глубине двора, и там она выращивает совершенно нереальные розы, каждая из которых расцветает величиной с огромный мужской кулак. Я помнила, как любила гулять в этой оранжерее по выложенным плиткой дорожкам, вдыхать цветочный аромат, от которого сладко кружилась голова, а вокруг постоянно вились пчелы. Помнила восхитительное лобио и мацони, которые Медея готовила только сама, не доверяя повару. Она была идеальной хозяйкой, вполне могла обходиться без домработницы и повара, но Бесо настаивал. Говорили, что в молодости Медея была настоящей красавицей, но после рождения трех дочерей расплылась вширь, а черты лица с возрастом стали грубее и резче. Но от нее, сколько я помню, всегда веяло таким спокойствием и добротой, что никакие недостатки внешности не могли этого скрыть. Медея была настоящей грузинской матерью, готовой обогреть и обласкать всех.

Сегодня я меньше всего хотела видеть Медею – это расхолодило бы, сбило с воинственного настроя, потому что как можно разбираться с делами, будучи погруженной в океан любви и заботы? Медея всегда жалела меня – ведь я росла без матери. Ее собственные дочери давно были замужем и жили кто где – одна в Грузии, одна в Москве, а младшая и вовсе в Америке, и всю свою любовь и заботу Медея в свое время перекинула на меня и многочисленных племянников.

К счастью, дома ее не оказалось, Бесо был один и страшно удивился моему появлению.

– Ты чего это, Санька? Виделись ведь утром. Или дело какое? – помогая мне подняться по крутым ступеням, спрашивал Бесо, но я не чувствовала никакого напряжения ни в его голосе, ни в поведении: он вел себя как всегда – гостеприимно и приветливо.

– Разговор есть, Бесо.

– Раз есть – поговорим. Только сначала давай сядем, покушаем. Медея с утра лобио готовила, – вот же черт! Как подслушал мои воспоминания, я ж буквально только что…

– От лобио не откажусь, – улыбнулась я.

– Вах, можно подумать, от сациви и шашлыка откажешься! – хохотнул Бесо, усаживая меня за длинный «деревенский» стол в просторной кухне.

Мне вдруг стало почему-то весело – рядом с Бесо вообще невозможно соблюдать серьезность. И даже причина, приведшая меня в его дом, не могла омрачить обеда. Я почувствовала, что на самом деле сильно проголодалась, а потому с аппетитом накинулась и на лобио, и на сациви с шашлыком. Бесо потягивал красное вино и с улыбкой наблюдал за мной.

– Ты совсем как мальчишка выглядишь, Саня, – произнес он. – Вроде взрослая женщина, замужем – а все сорванец.

– Хорош сорванец! – хмыкнула я, вытирая лоснящиеся после шашлыка губы салфеткой. – Никакой маневренности! Ты только представь – байк пылится в гараже столько времени!

– Зато Фиме так спокойнее! – отрезал Бесо. – Как вспомню, сколько седых волос ты ему добавила своим пристрастием…

– Ты что, Бесо? Папа лыс, как мое колено! – захохотала я.

– Ты ведь понимаешь, что я имею в виду – точно не Фимины волосы. Думаешь, легко отцу? А ты ж ненормальная, Санька – с такой кодлой связаться! Немытые, небритые… тьфу, срамота!

– Ты что-то совсем в дебри полез, – мне почему-то было неприятно слушать упреки Бесо. – Это когда же было!

– Да когда бы ни было, – Бесо подавил вздох и взялся за сигареты. – Фима переживал, что с тобой случится что-то… Хорошо еще, Акела вовремя подвернулся.

– «Подвернулся»! Ты вообще-то выбирал бы выражения, он мой муж все-таки, – обиделась я. – И не подвернулся он – а пришел именно тогда, когда было надо. Думаешь, ему сладко со мной было?

– Подозреваю, что и сейчас не особо, – поддел Бесо, дымя сигаретой. – Ты ж у нас не девка – уксус.

– Был уксус, да весь вышел. Посмотри на меня – кто, кроме Акелы, способен жить вот с этим, а?

– Дура! Подумаешь – нога-рука! Ходишь ведь, не в кресле сидишь! Наладится. Хочешь, расскажу вот, как папку твоего на первой ходке в «прессуху» закрыли?

Эту историю я знала наизусть – всякий раз, едва я ушибала колено или обдирала локти, проехавшись по асфальту, Бесо, если оказывался рядом, рассказывал мне, как папу сунули в камеру к отмороженным уголовникам, и там он один против троих ухитрился выжить и отделаться только отбитой почкой и сломанными семью ребрами. Ну, выбитые зубы никто за травму не считал. Бесо никогда не приходило в голову, что от ребенка, а тем более – девочки, такие подробности, да еще приправленные жаргоном и тюремными тонкостями, лучше бы скрывать. Сильно сомневаюсь, что такие истории он рассказывал своим дочерям.

– Не хочу, надоело. Папа – мужчина. А я все-таки женщина.

– Ах, женщина?! – подхватил Бесо. – Ну а какого тогда черта обрилась, как завшивевший новобранец? Такие волосы были!

– Нашел, чего жалеть. – Я полезла в висевшую на спинке стула сумку – пора уже вспомнить об истинной причине моего визита. Не пообедать, чай, зашла и не о жизни потрепаться. – Ты мне лучше вот что скажи… – я выложила перед ним на столе несколько отснятых копий. – Вот это – что?

Бесо вынул из кармана шелковой домашней куртки очки, нацепил на нос и углубился в чтение. Я же, покуривая, наблюдала за реакцией. А она последовала почти сразу – лицо и шея Бесо начали покрываться красными пятнами, на щеках заходили желваки, а свободная рука сжалась в кулак.

– Где ты взяла эту липу? – грозно спросил Бесо, отбросив от себя листы, как будто это были грязные тряпки.

– Угадай.

– Тут тебе не «Угадай мелодию»! Отвечай, когда спрашивают!

– Я бы на твоем месте поостереглась так со мной разговаривать, Бесо.

– А ты сперва влезь на него, на место это, соплячка! – загремел он, взбешенный уже не на шутку. – Ишь, выискалась – учить меня, допросы устраивать!

– И что ты сделаешь? – поинтересовалась я, совершенно не испугавшись. – Отцу позвонишь? А вот тебе трубочка, – я вынула мобильный и протянула Бесо. – Набрать номер? Или сам справишься?

Бесо выскочил из-за стола и заметался по кухне, сшибая на ходу все, что попадалось. Я видела, что он взбешен так, что еле сдерживается, но звонить отцу не станет. Как он объяснит появление документов его фирмы и особенно – наличие на своих счетах пропавших у отца денег?

– Это твой… одноглазый паленый черт! – выпалил Бесо, останавливаясь напротив меня и опираясь руками о столешницу. – Это только он мог такое состряпать – некому больше-то!

– Думай, что говоришь! Это копии финансовых документов твоей турфирмы! Своих подписей не узнаешь?!

Бесо тяжело опустился на стул и потянулся к бутылке минеральной воды. Не прибегая к помощи стакана, прямо из горлышка глотал пузырящуюся жидкость, не замечая, что она льется и на куртку, и на грудь в вырезе воротника. Отшвырнув пустую бутылку, заговорил громким шепотом:

– А ведь я не при делах, Санька! Вообще не в теме – здоровьем Медеи клянусь!

– Но подпись твоя?

– Моя! Но бог свидетель – я этих денег не видел и не брал!

– Бесо, я что, по-твоему, – слепая? Нет, я только хромая и безрукая, а с головой у меня все в порядке! Подпись твоя – а денег не видел? Очень смешно.

Я умолкла, продолжая наблюдать за Бесо. Хотелось курить, но в пачке, увы, уже не осталось сигарет, а курить крепкие я не могу. Пришлось терпеть. Бесо же тер виски и шею, хрустел пальцами и все думал, думал… Мне казалось, что я даже вижу, как мысли в панике мечутся в его голове. Он бормотал что-то по-грузински, поднимая к потолку глаза, как будто там мог быть либо ответ, либо невидимый советчик, готовый ему этот ответ подсказать.

– Саня! Каюсь, был грех – подмахнул два пустых листа по пьяни, но это было для другого! – вдруг нормальным голосом сказал Бесо. – Точно, да – подписывал, но это на самом деле было не для «Ковчега»!

– Кто дал тебе подписать? – Я почувствовала зуд в ладони левой руки и мурашки, бегущие по спине.

– Медея.

– Кто?!

– Оглохла? Медея, жена моя. Дочке младшей что-то было нужно, я даже не понял.

– То есть ты подписал два пустых листа? И все? – Это была такая дурацкая и в то же время эффективная в своей глупости «разводка», что мне показалось, будто я ослышалась.

– Все! Мне и в голову не пришло… Суууka! – взревел Бесо, вскакивая из-за стола и хватая нож. – Зарежу падлу!

Я встала, опираясь рукой о стул, и попыталась как-то урезонить Бесо словами, но он не слушал и рвался из кухни.

Хорошо, что Медеи в этот момент не оказалось дома, а вмешательство Ираклия – личного охранника Бесо – помогло мне утихомирить разбушевавшегося хозяина, причем в буквальном смысле. Ираклий, особенно не церемонясь, связал ему руки за спиной поясом от его же куртки, усадил на стул и поднес к его губам стакан воды, в который перед этим накапал какое-то лекарство из темного аптечного флакона:

– Выпейте.

– …к такой-то… вашу мать… всех! – прорычал, задыхаясь, Бесо, но выпил.

– Бесо, ты погоди, не кричи. Давай спокойно поговорим, – предложила я, снова усаживаясь за стол.

– Санька… в кого ты выросла такая ушлая? – пробормотал уже почти успокоившийся Бесо. – Как раскопала?

– Это не я, ты ведь знаешь.

– Одноглазый паленый черт… – процедил он, дергая связанными за спиной руками. – Ираклий, развяжи.

Тот вопросительно посмотрел на меня, и я кивнула – не опасно, мол. Пояс от куртки упал на пол, и Бесо принялся растирать запястья. Ираклий молча замер у стены. Где-то в доме хлопнула дверь, и Бесо напрягся, вслушиваясь.

– Явилась. Сюда ее позови, – бросил он охраннику, и тот удалился.

– Бесо… ты не кричи только сразу, ладно? – попросила я. Мне было жаль толстую добрую Медею, а в душе шевелилось предчувствие – она ни при чем, она сделала это не для себя, не ради собственной выгоды. Какая ей выгода? Она доступа к счетам не имеет, деньги снять не сможет. А провернуть какую-то хитрую многоходовую комбинацию у Медеи вряд ли хватит сообразительности.

Она вошла в кухню – большая, мягкая, вся в черном и в черной же косынке, завязанной вокруг головы концами назад. Тонкие губы расплылись в улыбке, когда Медея увидела меня. Пухлые руки разлетелись в стороны, как крылья, сделав ее похожей на огромную черную наседку, призывающую цыплят укрыться от неприятностей.

– Сашенька, девочка! Приехала к старикам! Иди же, обниму тебя!

Я встала, неловко шагнула в ее сторону, и Медея, глядя на то, как я прихрамываю, всхлипнула, метнулась ко мне сама с необычайной для ее комплекции прытью, обхватила руками, прижала мое лицо к пахнущей какими-то мягкими духами груди:

– Деточка! Похудела совсем…

У меня щипало в носу, но я держалась. Больше всего мне сейчас хотелось заплакать и почувствовать: мне сопереживают, меня жалеют. Но я не могу позволить себе слабости. Не могу! Я – папина дочь, я должна вести себя так, как вел бы он, а уж мой-то папенька ни за что не показал бы слабины даже другу.

Бесо все это время курил и шумно прихлебывал услужливо налитый Ираклием чай. Наконец решил, что пришел финал душещипательной сцены, и крякнул в кулак. Медея вздрогнула всем телом и выпустила меня. Я отошла к столу и села, подвинула к себе чашку с остывшим чаем и сделала большой глоток. Почему-то так трудно дышать, трудно повернуть голову и посмотреть на так и оставшуюся на прежнем месте Медею.

– Где шлялась? – начал Бесо спокойно, но я видела, как вздулись вены на висках от ярости, которую он с трудом сдерживал.

– Зачем – шлялась? На рынок ездила, – Медея явно не понимала, чем вызвала гнев мужа.

– На рынок? Одна?

– Нет, с водителем. Ты нездоров?

– Я-то? Я-то здоров, а вот ты сейчас будешь крепко больна! – взревел Бесо и устремился к жене, но бывший начеку Ираклий вовремя успел перегородить ему дорогу и спиной оттеснить растерявшуюся Медею к стене. – Пусти! – ревел Бесо, стараясь вырваться и дотянуться до горла жены, но молодой крепкий Ираклий держал его надежно. – Курва… подставила… сука, подставила меня… перед Фимой… измарала!

– Какой Фима… – визжала перепуганная до полусмерти Медея, вжимаясь в стену спиной. – Не знаю ничего… ничего не знаю… – Она вдруг захрипела, схватилась за грудь и стала тихо оседать по стене, страшно закатив глаза и открыв рот.

– Бесо, Бесо, ей же плохо! – заорала я, мигом поняв, что у Медеи сердечный приступ. Метнувшись так скоро, как только позволяла мне нога, к завалившейся набок женщине, я положила два пальца на сонную артерию. Пульса не было. – Бесо, «Скорую»! – еще громче заорала я, оборачиваясь, но выпущенный из железных объятий Ираклия Бесо сам опустился на пол и закрыл руками голову. – Ну, что встал?! – это адресовалось уже охраннику, но тот как раз не бездействовал, набирая номер на мобильном.

Вызвав «Скорую», Ираклий присоединился ко мне, и мы вдвоем попытались хоть как-то имитировать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание. Однако даже наши объединенные усилия ни к чему не привели, и к моменту приезда бригады Медея была мертва, а Бесо – совершенно невменяем от горя.

Я проводила врачей, сделавших хозяину пару уколов, дождалась приезда ритуальщиков, которые забрали тело, выслушала их предложения по организации похорон, обзвонила

дочерей Бесо, застав только младшую, Нистан, и, выслушав ее причитания, вой и обещания дозвониться сестрам, выпила чашку чая с Ираклием, чтобы хоть немного прийти в себя. Больше делать мне тут было нечего, и я, свистнув своим охранникам, увлеченно беседовавшим с парнями из охраны Бесо, пошла к машине.

– Ефим Иосифович звонил, – сообщил мне Никита. – У вас телефон выключен.

– Странно. Я не трогала. – Я полезла в карман и, вынув мобильный, увидела, что батарея разряжена. – Черт… и Акела явно звонил…

Я взяла трубку у Никиты и набрала номер мужа:

– Саша, ты еще в офисе?

– Да. А ты где? – В тоне мужа ничего не настораживало, и я с облегчением выдохнула – значит, был занят и не искал меня. Хорошо…

– Я еще катаюсь. Но мы уже на полпути к дому.

– Ты меня не жди, ложись. Я задержусь.

О-па… Что-то новое…

– А куда ты? – Я вдруг поймала себя на том, что в моем голосе прозвучали ревнивые нотки, и это меня разозлило.

– У меня дела, Аленька, – спокойно ответил муж. – Я постараюсь закончить как можно быстрее, но ты все-таки ложись.

Меня почему-то до боли в сердце задел этот разговор. Я никогда не думала, что буду испытывать такое чувство, как ревность, по отношению к Саше, который старше меня на двадцать лет.

* * *

Дома ждал отец, и выражение его лица дало мне понять – сейчас состоится разговор из серии неприятных. Так и вышло.

– Ну, и где тебя носило? – сложив на груди руки, начал он, буравя меня глазами.

– Гуляла… у Сашки в офисе была…

– А потом?

Мне не очень хотелось признаваться в том, что я была у Бесо – иначе придется рассказывать и о причинах визита, а уж это точно не входило в мои планы, поэтому нужно было срочно придумывать правдоподобную историю. Но времени уже не осталось…

– К Бесо заскочила, – честно призналась я и тут же перешла в атаку: – Ты не представляешь! Идем-ка присядем. – Я решительно ухватила родителя за руку и потащила за собой в гостиную. Расположившись на белом диване, я взяла обеими руками отцовскую, прижала к груди и проговорила: – Пап, Медея умерла сегодня…

Рука отца дернулась, но я удержала ее, поглаживая по тыльной стороне.

– Представляешь, прямо у меня на глазах… мы с Бесо чай пили, она приехала с рынка… и вдруг… врачи сказали – сердце, да я и сама все видела…

Папа слушал меня внимательно, как будто боялся пропустить что-то, а я пальцами осторожно нащупала его пульс и теперь про себя подсчитывала удары. Не хватало еще у него приступ вызвать…

– Остался Бесо один… – проговорил отец, хмурясь.

– Ужасно… – откликнулась я эхом. – Ну, может, кто-то из дочерей с ним поживет.

– Старики не нужны никому.

– Нашлись старики!

– Старики, Сашка, чего уж, – со вздохом перебил папа, прижимая меня к себе и целуя в висок. – Вот и я тебе скоро совсем не буду нужен, ты и так вечно со своим Акелой пропадаешь.

– Пап! Ну, он муж мне, – с укоризной проговорила я и потерлась носом о его плечо. – Ты ведь не хотел бы, чтобы я так и осталась старой девой, зато рядом с тобой?

– Тебя удержишь! Сама все решила.

Несмотря ни на что, папа никак не мог смириться с моим экзотическим выбором супруга. Он уважал Акелу за деловые качества, но для меня всегда хотел другого мужа. Уж не знаю, каким был в его мечтах мой избранник, но точно не мрачным бритым самураем с длинной косой на макушке.

– Кстати, где он? – вдруг, словно услышав мои мысли, спросил папа.

– Звонил, сказал – задержится, дела у него какие-то.

По тому, как подозрительно глянул в мою сторону родитель и как поспешно отвел взгляд, я поняла – не верит. Или что-то знает, но мне ни за что не скажет.

– Ужинать будешь? Я Гале скажу.

– Не хочется. Я пойду лучше и прилягу – набродилась за день, нога болит.

Отец помог мне подняться, проводил до лестницы, постоял внизу до тех пор, пока я не поднялась на второй этаж, и только после этого ушел к себе.

*** * ***

Я совсем расслабилась под струями гидромассажа и почувствовала себя почти в добром здравии. Аппетит, однако, не появился, и я решила, что можно лечь и так. Сна не было. Я то хватала с тумбочки какую-то книгу и пыталась сложить буквы в слова, но они расползались по странице, как мухи, никак не желая открывать мне смысла написанного, то включала небольшой телевизор, но звуки раздражали еще сильнее, чем тишина. Какое-то непонятное волнение овладело мной, и я не находила себе места в собственной комнате, в собственной постели. Несколько раз я брала мобильный, но набрать номер так и не решилась. Во-первых, это унизительно – проверять, шпионить, а, во-вторых, глубоко внутри я очень боялась получить подтверждение своим подозрениям. Вдруг Сашка у женщины? И я услышу ее, почувствую? Что мне тогда делать?

Окно комнаты выходило во двор, и, когда он осветился фарами въезжающей машины, я встала с кровати, отдернула штору и увидела выбирающегося с заднего сиденья мужа. Значит, ездил с водителем. Мне почему-то стало легче – хотя что мешало ему ездить к любовнице не за рулем? Тоже мне – гарантия…

Акела появился на пороге спальни совершенно спокойный, без тени напряжения или вины на лице. Это меня не удивило – муж всегда отлично владел собой и умел управлять своими эмоциями.

– Ты не спишь, Аленька? – Его руки обняли меня, и я почему-то сразу растеряла весь свой настрой, всю нервозность и неуверенность. Ну, разве может *так* обнимать человек, только что вернувшийся от другой? Нет.

– Не сплю. День тяжелый был.

– Да, досталось тебе сегодня.

У меня по спине побежали мурашки – откуда он мог знать? Неужели папа позвонил? Я вопросительно уставилась на мужа, и тот подтвердил мои подозрения:

– Фима звонил, сказал про Медею.

«Только бы не спросил, как я там оказалась. Он – не папа, его не отвлечешь рассказами о горюющем Бесо».

Я постаралась придать лицу постное выражение, чтобы избежать лишних вопросов.

– Ты устал? – я погладила Сашу по щеке.

– Да, немного. Тоже тяжелый день был.

Он встал и отошел к двери в гардеробную, открыл ее и начал раздеваться. Я села на кровати, поджав под себя здоровую ногу, и наблюдала за его движениями, закусив нижнюю губу. Как же идеально он сложен, мамочки… У него идеальная фигура, совершенно канонические пропорции. Даже неважно, сколько ему лет – он в прекрасной форме. Конечно, за ним увиваются женщины…

– Ты… изменял мне когда-нибудь? – совершенно неожиданно для себя я охрипла от волнения.

Муж на секунду замер с только что снятой рубашкой в руке, повернулся и чуть удивленно спросил:

– К чему вопрос?

– Ты не ответил.

– Нет.

– Что – нет?

– Это ответ на твой вопрос.

Он вернулся в гардеробную, а я замерла в той же позе, словно замерзла от его тона. Какое-то странное ощущение – вроде ответил, но так, что я чувствую теперь еще большую неуверенность.

Саша вернулся, плотно закрыв дверь гардеробной, присел на край кровати и спокойным тоном спросил:

– Не хочешь объясниться?

– В каком смысле?

– В прямом. С какой стати ты вдруг задала мне такой унизительный вопрос?

– Что унизительного в том, что я хочу знать, есть ли у тебя другая женщина? – Я вскинула подбородок и чуть прикусила губу. – Мне кажется, это более унизительно для меня.

– Аля. Ты никогда не была мелочной, никогда не унижала меня недоверием. Что случилось?

Его ровный тон бесил меня – я никак не могла разобраться, говорит ли муж сейчас правду, зол ли на меня, пытается ли что-то скрыть. Это его спокойствие, взвешенные фразы, интонация… Черт бы побрал это пресловутое умение владеть собой!

– Аля.

– Ну, что, что?! – взорвалась я и ударила кулаком по кровати. – Что такого я спросила?! Да, хочу знать, как ты обходишься все время, что я не в состоянии быть нормальной женой! Да, хочу, и что в этом криминального?! Неужели тебе было бы проще, чтобы я молчала и делала вид, что ничего не происходит?!

Его руки, опустившиеся мне на плечи, придавили меня, как две гранитные плиты, но это оказалась приятная тяжесть, успокоившая меня:

– Аленька, ты говоришь глупости. Разве мне нужен кто-то? Разве я хотел бы видеть на твоем месте другую женщину – если женился на тебе?

Мне захотелось заплакать, но я хорошо помнила данное себе обещание никогда не делать этого в присутствии мужа. А он гладил меня по спине горячими ладонями и продолжал:

– Я никогда не считал тебя дурочкой, Аленька. И никогда не позволил бы себе обманывать тебя – зачем? Разве можно унижать любимую женщину враньем?

Я обхватила его за шею левой рукой и зарылась носом в ямку над ключицей. Запах его тела успокаивал, я терлась носом о рисунок татуировки и думала о том, что, возможно, на самом деле не права. Человек, который обманывает, не может быть настолько искренним в прикосновениях. Можно обмануть словами – но как обмануть жестами, руками, губами? Нет, это вряд ли возможно.

В эту ночь впервые за долгое время между нами произошло нечто. Нечто – в самом восхитительном смысле, потому что раньше никогда наша близость не была такой нежной и неторопливой. Раньше мы вели себя в постели как агрессивные волки, состязавшиеся друг с другом в выносливости. А в эту ночь все было совсем иначе. И дело не в моей неработающей руке, не в том, что я ощущала себя почти недвижимым бревном, нет. Дело в Саше. Он перестал чувствовать во мне свою «волчицу», как он называл меня раньше в минуты близости. Я вдруг стала для него любимым больным волчонком, которого он старался приласкать и не обидеть, не сделать больно. И мне почему-то это неожиданно понравилось – хотя прежде я, почувствовав такое, скорее всего, просто вцепилась бы ему зубами в руку. Но сегодня я отдалась новому ощущению и получила удовольствие от собственной слабости. Может быть, не стоит все время корчить из себя независимую и несгибаемую? Судя по выражению лица мужа, ему эта новая я тоже пришлась по вкусу…

* * *

Провожать Медею мы поехали вчетвером, но с охраной. Все-таки похороны жены такого человека, как Бесо, могли оказаться не совсем безопасным мероприятием – слишком много там будет народа, и далеко не все настроены друг к другу благодушно. Папа сперва вообще хотел оставить меня дома, считая, что мне в моем состоянии нечего делать на кладбище, но я разозлилась и заявила, что, если он не разрешит мне ехать с ними, я поеду отдельно.

– Как ты не понимаешь – Медея для меня много значила! – орала я в кабинете родителя. – Я в их доме столько времени провела! Как ты можешь?!

Отец морщился от моего крика, сидя в кресле, постукивал по столу карандашом, но молчал, не собираясь менять своего решения. Только вмешательство мужа вынудило его согласиться.

– Я буду рядом с ней, – сказал Саша, прижав меня к себе. – Не волнуйся, Фима, с ней ничего не случится. А попрощаться она должна. Потом сразу отправится домой.

Это означало, что, побыв на кладбище, я не поеду на поминки в ресторан, а вернусь домой в сопровождении охраны, оставив Акелу и двух телохранителей с папой. Меня это вполне устраивало…

* * *

На подъезде к кладбищу наши машины неожиданно остановили «гайцы» и заставили выйти. Папа чуть заметно кивнул Акеле, и тот, поддержав меня за локоть и дождавшись, пока я выйду, отошел к патрульной машине и заговорил со старшим наряда. Папа закурил, предложив сигарету и мне, но я отказалась. Было прохладно, я закуталась в шаль и прислонилась к подставившему плечо Андрею. Акела что-то говорил, склонившись к открытой дверце патрульной машины, рядом с ним стояли оба водителя, а невысокий «гаец» в бронежилете и каске внимательно изучал документы.

– С чего бы? – вполголоса спросила я, повернувшись к отцу, но тот невозмутимо курил и, казалось, не обращал внимания на происходящее.

Ко мне подошел Семен, набросил на плечи свой черный пиджак и буркнул:

– Зря так вырядилась, замерзнешь. И дождь, кажется, будет.

Он окинул недовольным взглядом мое длинное черное платье и тонкую шаль.

– Выпить не хочешь? Для согрева, – предложил мой добрый братец, наклонившись к самому уху, и выразительно похлопал себя по карману брюк, но я поморщилась:

– Ты прекрасно знаешь, что я не пью.

– Ну, ты у нас в семье что-то вроде эталона – не пьешь, не употребляешь, не судима.

– Дурак. Алкоголь превращает людей в животных, а наркота – в овощи. Не желаю пополнять ни зверинец, ни бахчу. Дай лучше сигарету.

– Ну, хоть что-то порочное в тебе есть, – удовлетворенно констатировал Семен, протягивая мне пачку. – Долго на этот раз Акела выясняет, серьезное что-то? – Он кивнул в сторону патрульной машины, где все еще беседовал о чем-то со старшим наряда мой муж.

– Не знаю. Вернется – расскажет.

Меня тоже беспокоили затянувшиеся переговоры. Да и папа заметно нервничал, курил уже третью сигарету, чего никогда не позволял себе в спокойном состоянии. Но вот наконец Саша выпрямился, кивнул водителям, ожидавшим его чуть поодаль, и пошел к нам.

– Можно ехать.

Он помог мне сесть, вернул Семену его пиджак и забрался в «Мерседес» на заднее сиденье, взял меня за руку:

– Замерзла?

– Не особенно.

– Ну? – повернулся с переднего сиденья отец, недовольно наблюдая за тем, как с другой стороны от меня усаживается Семен – слишком медленно, по папиным понятиям.

– Ерунда, – коротко бросил Саша, и я поняла, что он не хочет говорить при Семене.

– Хорошо, позже, – буркнул отец, отворачиваясь.

У ворот кладбища творилось настоящее вавилонское столпотворение – столько машин и людей я не видела уже давно. Создавалось впечатление, что проводить в последний путь Медею явилась, во-первых, вся грузинская диаспора, а во-вторых, и все, кого принято называть «представителями теневого бизнеса». Плюс к тому – сотрудники милиции и какие-то люди в штатском, явно не принадлежавшие ни к грузинам, ни к теневикам. Однако…

– Не выпускай ее из виду ни на минуту, – распорядился отец, искоса глянув на моего мужа, и первым вышел из машины.

Около него сразу оказался телохранитель, и они двинулись по направлению к воротам. Мы с Сашей тоже вышли, причем муж крепко взял меня за запястье и, повернувшись к водителю, бросил:

– Машины на парковку, к самому выезду. Никуда не отходить.

Мне очень нравилось наблюдать за тем, как муж раздает приказы отрывистыми фразами, как его лицо делается непроницаемым, как весь облик начинает излучать силу и уверенность. Меня это всегда покоряло. Я невольно сравнивала его с многочисленными знакомыми – бывшими однокурсниками, сотрудниками академии, где работала, да просто с молодыми – и не очень – людьми на улицах и понимала, что они не в состоянии выдержать сравнения. Он был Настоящим Мужчиной без оговорок. Надо же – я способна думать об этом даже на кладбище!

Могила Медеи располагалась на центральной аллее, и, судя по размерам предполагаемой оградки, Бесо собирался со временем захоронить здесь всю семью. Ужас какой-то…

Бесо в черном костюме стоял на коленях у большого гроба, а рядом с ним – три его дочери в черных платках. За ними толпились три зятя и семеро внуков. Отец находился уже возле Бесо, положив руку тому на плечо. Телохранитель Боря настороженно оглядывался по сторонам и то и дело подносил руку к уху, в котором торчал наушник мини-рации. Ираклий тоже был рядом, а в толпе я заметила еще несколько телохранителей Бесо. Ну, все правильно – мало ли.

Я чувствовала себя неуютно, глядя на бесчисленное количество венков и цветов, на огромную людскую толпу, медленно двигавшуюся мимо гроба. Кто-то подходил к Бесо, говорил какие-то сочувственные слова, смысл которых явно не доходил до него. Появился дядя Моня, встал за вторым плечом Бесо – так и выглядели теперь скульптурной группой, и

я совсем не к месту вспомнила негласное прозвище, данное конкурентами их троице, – «Три толстяка», иногда менявшееся (разумеется, шепотом) на «Три поросенка».

Мы с Сашей тоже медленно двигались в толпе, он обнял меня за плечи, а второй рукой крепко держал мою руку. Сзади нас подпирали Никита и Володя, и я физически ощущала, как сильно это раздражает моего мужа, привыкшего надеяться только на собственные ощущения, реакцию и умения. Но – папа так распорядился, и даже Акела не посмел возражать.

Восковое лицо Медеи в гробу поразило меня. Всего несколько дней назад она была живая, говорливая и, как обычно, хлопотала в огромном доме – и вот ее больше нет. И еще одно обстоятельство привлекло мое внимание – в толпе родственников я не увидела Резо. Хотя, может, просто не узнала – или не заметила.

– Все, малыш, едем домой, – шепнул мне на ухо Саша, крепко прижимая к себе.

Начал накрапывать дождь, и я уже в который раз пожалела, что не прихватила плащ. Пиджак мужа доходил мне до колен, я чувствовала себя совершеннейшей клоунессой, но так хотя бы не было холодно. Мы дошли до большой парковки и стали пробираться между автомобилей к своим машинам, как вдруг что-то оглушительно рвануло, взвыли сигнализации, а я почувствовала, что падаю прямо в лужу между двух машин, а сверху на меня наваливается муж, закрывая руками мою голову. Я оказалась лицом прямо в жидкой грязи, с трудом смогла повернуть голову набок, чтобы не захлебнуться. Глаза залепило, во рту – противный привкус грязной воды, платье моментально пропиталось влагой. Кругом – крики и вой сирен. Но муж, лежащий сверху, прошептал мне в ухо:

– Спокойно, Алька, мы целы, все в порядке, – и я успокоилась немного.

Наконец Саша встал и помог подняться мне. Саднило разбитое колено, грязь струилась по лицу, я отплевывалась, мечтая скорее оказаться в машине и хотя бы относительно привести себя в порядок. Но именно на месте парковки нашего «Мерседеса» бушевал пожар…

Я схватила Сашу за руку:

– Сашка! Это ведь… это же…

– Успокойся, я все прекрасно вижу, – поцедил он сквозь зубы.

К нам бежал оставшийся у машин Андрей, весь в копоти и в порванном костюме.

– Что произошло? – спросил Саша, останавливаясь и притормаживая меня.

– Да хрен его… – сплюнул Андрей, вытирая кровь с разрезанного осколком лба. – Витек в «мерин» сел, только дверкой хлопнул – как дало! Я успел под джип нырнуть, и то вон лоб зацепило.

– Отлучались от машин? – спокойно продолжал Акела, но я по напрягшимся мышцам кисти поняла, чего стоит ему это спокойствие – потому что ответ очевиден, и Сашка его знает, и теперь с трудом сдерживает себя, чтобы не ударить Андрея.

Андрей опустил голову:

– До ларька за куревом, но это ж рядом, прямо за оградой! Витек сбегал, а я здесь был, правда, на пару минут в багажник нырнул, там запаска каталась, хотел поправить.

Даже мне было понятно, что пары минут вполне достаточно, чтобы сунуть под днище «мерина» магнитную мину, например, или еще что. Как раз той пары минут, что Витек был у ларька, а Андрей перекрыл себе обзор открытой дверкой багажника.

Я застучала зубами от холода и волнения, мне бы сейчас в теплый салон, но, судя по влетевшему на парковку милицейскому «уазику», это удастся не скоро. Сашка, быстро прикинув расклад, процедил:

– Секунду потерпи, я джип осмотрю, туда сядешь. Сейчас движок запущу, включу печку. Мы тут надолго.

В джипе было ощутимо теплее, я скинула туфли и забралась на сиденье. В окно было видно, как Саша разговаривает по мобильному, как возле догорающего «Мерседеса» суетятся подъехавшие милиционеры, как из ворот кладбища начался отток людей. Вон и отец с

Борисом, и Борька еле успевает за почти бегущим к джипу папой. Он рывком открыл дверку, увидел меня и вдруг резко наклонился вниз, держась руками за спинки сидений. Я испугалась:

– Папа, папа, что с тобой?! – но он уже поднял голову и натянуто улыбнулся:

– Все в порядке, Санька. Труханул, что ты успела до машины дойти…

– Нет, нас взрывной волной накрыло метрах в десяти, Сашка вовремя успел – видишь, я вся в грязи, где шли, там и упали.

– Ничего-ничего, все отстирается. – Папа забрался в салон и прижал меня к себе, не замечая, как мое грязное платье пачкает его белоснежную рубаху.

Я удовлетворенно услышала, что его сердце бьется почти в нормальном ритме. Значит, можно не опасаться приступа.

– Папа, ты как думаешь – теперь-то кто? – осторожно спросила я, глядя в лицо отца снизу вверх.

Он только вздохнул, но не ответил. Меня чуть потряхивало от холода, и я крепче прижалась к отцу.

– Может, выпьешь немного, Сашка? Трясешься ведь вся, простынешь еще, – предложил он, растирая руками мои плечи, и я замотала головой:

– Вы сговорились, что ли? То Семка приставал, теперь ты.

– А вот, кстати, где этот шлемазл?

– Не знаю… он же с тобой был – нет?

Папа нахмурился и полез в карман за мобильным. Я, повернувшись к окну, увидела, как к моему мужу подходит коренастый мужчина в кожаной куртке и с блокнотом в руке. «Опер, наверное», – подумала я, прислушиваясь к тому, как механический голос в трубке сообщает отцу, что абонент временно недоступен. Странно – я могла головой ручаться, что видела Семена за спиной отца в тот момент, когда мы с Сашей пошли к выходу с кладбища. Не мог же он выйти где-то в другом месте – разве что через ограду перепрыгнуть. Это кладбище относительно новое, здесь только один вход. И почему у него мобильный недоступен? Что он опять творит?! Ну, пусть только появится…

Лицо отца стало совсем хмурым, у переносицы собрались морщины, а на скулах заходили желваки. Не хотела бы я сейчас попасть ему под руку…

К машине подошел человек в серой куртке, и на его пути мгновенно вырос Борис, однако мужчина сунул ему в нос развернутые красные «корочки», и папин телохранитель отступил. В салон джипа сунулась узкая лисья мордочка – так мне показалось, – и тонкий фальцет заговорил:

– Гельман Ефим Иосифович?

– Да, – отрывисто бросил папа, а «лис» повернулся ко мне:

– Гельман Александра Ефимовна?

– Сайгачева, – поправила я машинально – в паспорте стояла фамилия мужа, но меня почти все по привычке звали папиной.

– Ах, да, извините. Меня зовут Игнатий Максимович, я старший оперуполномоченный… – Дальше я не услышала, отвлеченная звонком мобильного. Глянув на дисплей, с удивлением обнаружила, что это брат.

– Простите, я на минуту, – пробормотала я, стараясь попасть ногами в туфли.

Папа понял, что произошло нечто, а потому нагнулся и помог мне обуться:

– Не стой на улице долго, там дождь, – напутствовал он меня и повернулся к оперу: – Она не совсем здорова.

– Тогда, если позволите, я пока вам пару вопросов… – услышала я, уже выйдя из машины.

– Алло! – проговорила я в трубку и услышала приглушенный голос Семена:

– Сашка, ты уже дома?

– Нет! А ты сам где?

– Как… нет? А… где ты? – Голос брата сделался растерянным, и в нем появились истеричные нотки.

– На кладбище, дорогуша. Минут двадцать назад папин «мерин» приказал долго жить. Взорвался, проще говоря, – зло бросила я. – А вот ты где был в этот счастливый миг, а?

– Они… живы?

– Кто?

– Папа и Акела.

– Идиот! Покаркай мне еще! – рявкнула я, теряя самообладание. – Конечно, живы, мы с Сашкой как раз к машине шли, чуть-чуть опоздали.

– Как – к машине, почему?!

– Да потому, что холодно на улице, а Сашка меня решил проводить сам, а не на охрану надеяться! Говори, где ты, меня опер ждет в машине!

– Я около Бесо еще.

– Ты какого хрена там делаешь?! – зашипела я, украдкой оглянувшись на окно джипа, но там о чем-то разговаривали папа и опер, не обращая на меня внимания.

– Да знакомого встретил, языками зацепились, он мне предложил кое-какое совместное дельце…

– Так, Сема, быстро тащи сюда свою задницу, понял?! – перебила я.

– Зачем?

– Ты что – невменяемый?! Мы тут отдуваемся, а ты?!

– Так а я что? Я ж даже рядом не был…

– Сема!!!

– Все-все, не ори, иду.

Он отключился, а я сразу начала прокручивать в голове разговор, пытаясь понять, какая именно фраза мне не понравилась. Вроде как ничего необычного, а вот гложет что-то изнутри, какой-то червячок. Темнит что-то мой братец, недоговаривает, суетится. И нервный какой-то стал.

В стекло постучал отец, и я оторвалась от мыслей о Семене. Наскоро переговорив с Игнатием Максимовичем и рассказав ему все, что успела заметить и почувствовать, падая лицом в лужу, я наконец получила разрешение уехать домой.

К моему глубочайшему сожалению, Саша со мной не поехал, а это было как раз мне необходимо – присутствие мужа рядом. Но он не собирался оставлять место происшествия до тех пор, пока не прояснятся все версии, так что мне пришлось смириться. Одно хорошо – нога почему-то вдруг перестала болеть и даже начала чуть сгибаться в колене – удар, что ли, сказался. Я прислушивалась к забытому ощущению от обычной ходьбы почти без посторонней опоры и радовалась – прогресс. Даже неприятности сегодняшнего дня стали чуть менее острыми.

* * *

Муж не вернулся вечером. Не приехал и ночевать. Телефон его был отключен, и это окончательно выбило меня из колеи. Что произошло? Куда подевался Сашка и почему не предупредил, даже не позвонил? И что за фортель с выключенным телефоном?

Я бесцельно бродила по комнате, куря одну сигарету за другой, и все думала, думала… Неужели у Сашки кто-то есть? А то, что он так убедительно это отрицал, – так мужики, если их прижать, еще не на такое актерство способны. Мне не хотелось верить в то, что муж меня обманывает – иначе кому же тогда вообще можно верить? Но факты…

Я не нашла ничего лучше, как пойти к отцу. Он приехал совсем недавно, видимо, засиделся у Бесо. Я слышала, как он бродит по дому, вздыхает, и это меня беспокоило – вдруг опять что-то с сердцем. О том, что Акелы нет дома, я решила промолчать – к чему добавлять волнений?

В комнате отца было жарко, окна зашторены, включен обогреватель – папа постоянно мерз, даже летом. Сам он сидел в кресле, крепко вцепившись пальцами в подлокотники, и смотрел на стену, где висела большая фотография – он, Слава, Семен и я. Мне показалось, что я слышу, о чем думает отец. Так случилось, что он очень хотел сыновей, но вышло иначе – только дочь умеет все, а они – вроде как бесплатное приложение. Хм, хотя не такое уж и бесплатное, если разобраться.

– Чего тебе, Кнопка?

– Можно, я у тебя посижу? Не спится.

Отец встал и поманил меня за собой на небольшой диван у окна. Я забралась с ногами, устроилась удобно под рукой отца, как в детстве, а он, дотянувшись, укрыл меня стареньким клетчатым пледом с наполовину оборванными кисточками. Этот плед перекочевал в новый дом с прежней квартиры, я не захотела с ним расставаться, потому что очень уж много воспоминаний детства связано у меня с этой вещью.

– Что с тобой, Кнопка? – отец крепко прижал меня к себе, и я, по детской привычке взяв его за пальцы обеими руками, пробормотала:

– Не знаю, пап. На душе как-то… И взрыв этот сегодня… Как ты думаешь, это все – продолжение? Или уже что-то другое, а?

Он вздохнул. За окном тявкнула собака, потом вторая – мимо ворот пронеслась машина.

– Кабы знать, Кнопка. Так просто было бы – узнал и разобрался сразу. Но ты ведь не маленькая, все понимаешь.

Я понимала. Как понимала и многое другое. Как понимала то, что моему отцу не на кого будет все это оставить – разве что на Акелу. Слава мертв, Семен… тут все ясно, и ведь это отец не знает еще о его пристрастии к юношам.

– Жаль, что ты не парень, Санька, – словно услышав меня, вздохнул отец, потрепав меня по ежику волос. – Хотя, может, так и лучше – забот меньше, выдал замуж тебя за правильного человека, могу спать спокойно.

Тут папенька явно лукавил – проблем со мной у него было раз в пять больше, чем с моими братьями, и даже замужество за «правильным человеком» Акелой не убавило отцу головной боли.

Мне очень не хотелось, чтобы сейчас разговор свернул на моего мужа – иначе как я объясню отцу его отсутствие? Это было как-то… стыдно, что ли. Вроде как я такая дурочка, которую обманывает муж в ее же доме… Но, к счастью, отец не был настроен на разговоры, сидел и поглаживал меня по стриженой голове, а сам о чем-то думал. Я чувствовала напряжение, исходившее от него, и это мне не нравилось.

– Пап, я тебя попросить хотела…

– О чем?

– Можно мне как-нибудь винтовку снайперскую раздобыть?

Отец вздрогнул всем телом и отстранил меня. Ухватив пальцами за подбородок, он развернул мою голову к окну и требовательно заглянул в глаза.

– Зачем?

– Хочу научиться стрелять, – спокойно ответила я, настроившись дать родителю отпор и настоять на своем.

– Я спрашиваю – зачем? – Он чуть повысил голос, но меня это никогда не пугало.

– Значит, нужно.

– Да ты ж с одной рукой осталась! Куда тебе СВД?! Ты ложку еле удерживаешь! – Папенька решился на болевой прием, но я уклонилась:

– Я прекрасно научилась владеть левой рукой. Пистолет удерживаю – значит, и СВД как-нибудь освою.

Отец вскочил и забегал по комнате туда-сюда:

– Сдурела совсем?! Ладно – пистолет, но винтарь!

– Не кричи, – поморщилась я, укутывая плечи чуть съехавшим пледом. – Ты ведь понимаешь – со мной проще согласиться.

– Да?! А вот мужу твоему я завтра об этом скажу – и поглядим! – рявкнул отец. – Иди к себе!

Я спокойно поднялась, свернула плед, окинула отца холодным взглядом и пошла к себе, изо всех сил стараясь не прихрамывать.

Акеле он ничего не скажет – не первый раз, а винтовку достанет – в этом я тоже не сомневалась. И сделает он это из спортивного интереса: смогу ли я справиться с оружием и подкреплю ли свое громкое заявление настоящим действием. Так было с мотоциклом, когда отец сам сменил мой старенький «Урал» на мощный «Харлей».

…Сашка приехал только утром, злой и с трудом сдерживающий ярость. Но даже этот грозный внешний вид не испугал меня и не остановил – терпеть неуважение к себе я не собиралась.

– Где ты был? – уперев здоровую левую руку в бок, спросила я.

– У брата твоего в клубе.

– А если я ему позвоню?

Сашка резко развернулся в дверном проеме ванной комнаты, куда уже собирался зайти, и смерил меня с ног до макушки таким взглядом, от которого любой другой съежился бы и убежал. Любой – но не я.

– Что ты молчишь?

– Ты продолжаешь? – негромко спросил муж, и я вдруг заметила, как побелели костяшки пальцев вцепившейся в косяк руки. – Ты позволяешь себе усомниться?

– Почему ты не позвонил мне? – сбавив обороты и смягчив немного тон, продолжила я.

– Значит, у меня была для этого веская причина, Аля. Я просил тебя – не пытайся контролировать мою жизнь, тебе не удастся.

– Я не собиралась ничего контролировать, я волновалась! После того, что случилось на кладбище, я уснуть не могла, а тебя нет – и телефон не отвечает! Неужели ты не понимаешь, каково мне было?!

Выражение его лица чуть смягчилось, уголки губ дрогнули, пряча виноватую улыбку. Саша оттолкнулся от косяка и подошел ко мне, подхватил на руки:

– Прости, Аленька. Закрутился я совсем, а потом батарея села. Я на самом деле просидел всю ночь в клубе у твоего братца и, кстати, странную вещь обнаружил.

Я насторожилась – не хватало еще, чтобы Саша догадался о тайной жизни Семена. Но все оказалось еще хуже.

– Ты знаешь, что он по-прежнему приторговывает наркотиками? – огорошил меня муж, и я на секунду потеряла способность соображать. Семен обещал, клялся своим здоровьем около моей кровати в больнице, что больше никогда, ни при каких условиях не притронется к кокаину. Дешево же стоит его слово…

– Откуда? Он давно мне ничего не доверяет.

– Ну, так вот я тебе говорю – торгует. Там, если приглядеться, среди посетителей процентов семьдесят – торчки. Даже не знаю, как Фиме сказать.

– А ты не говори, – вдруг сказала я, прикинув кое-что.

– То есть? – удивленно взглянул на меня муж, усаживаясь на край кровати.

– Саш, ты пока не спрашивай, ладно? Но с Семеном я должна сама.

– Алька, я тебе запрещаю! Ты уже однажды вместо него подставилась!

– Нет, ты не волнуйся, тут другое совсем… Мне надо только чуть-чуть времени, – я прижалась к груди мужа и снизу вверх смотрела в его лицо. – Сашенька, я тебе обещаю – со мной ничего не случится. Я и охрану всегда с собой беру – ты же видишь, я очень осторожна. А с Семкой, кроме меня, никто не решит, поверь!

Тень сомнения, промелькнувшая в лице Саши, заставила меня усилить натиск. Я уговаривала его, обещала все на свете, клялась не волновать ни его, ни отца – только чтобы муж позволил мне самой разобраться. Через полчаса монолога Саша сдался и махнул рукой, но предупредил, что в случае чего не поздоровится и мне и Семену.

– До этого не дойдет! – заверила я, довольная полученным результатом.

* * *

Через неделю после этого разговора между нами состоялся еще один – примерно с тем же накалом страстей.

– Аленька, Фо прислал тебе какую-то штуку. – Муж вошел в комнату и застал меня в кресле с книгой в руках.

– Какую? – не отрываясь от чтения, поинтересовалась я, и передо мной на испещренном буквами листе возникли два игольчатых шарика размером с мячик для настольного тенниса.

– Вот. Он сказал, что это хорошо для массажа активных точек на руках. Нужно перекатывать их в ладонях.

Фо Ду, китайскому доктору, Сашкиному приятелю, неоднократно помогавшему мне, я верила безоговорочно, выполняла все, что он говорил, и результаты всегда оказывались хорошими. Вот и сейчас я прикоснулась к острым иглам массажеров и решительно сказала:

– Раз Фо считает, что это хорошо, значит, буду делать.

Наверное, если бы Фо сказал, что съеденная натощак гремучая змея поставит меня на ноги окончательно и вернет правой руке подвижность, я, не задумываясь ни на секунду, проглотила бы ее. Я доверяла маленькому колобку-китайцу настолько, что не трудилась усомниться в его назначениях. Думаю, что именно это безграничное доверие имело решающее значение – я неуклонно шла на поправку, и это отмечали окружающие.

Кроме того, я вдруг увлеклась чтением книг об огнестрельном оружии всех стран. Рылась в Интернете, отыскивая сайты коллекционеров и просто любителей, разбиралась в технических характеристиках, отличительных особенностях и преимуществах разных производителей. Муж только качал головой, а папа просто считал происходящее очередной блажью и закрывал глаза на то, что вот уже неделю днем я со своей охраной уезжаю на песчаный карьер, прихватив то «калаш», то израильский «узи», подаренный папе кем-то из компаньонов, а то просто карабин. Стрелять с левой руки из оружия, и без того довольно тяжелого для девушки моей комплекции и роста, нелегко, на плече образовался непроходящий синяк, который я старательно прятала назавтра под слоем тонального крема, чтобы поехать к реабилитологу. Но с каждым днем выходило все лучше и увереннее, и количество попаданий в «молоко» сокращалось, что, разумеется, радовало меня.

– Зачем тебе это? – массируя вечером мое разбитое плечо, спрашивал Саша. – Неужели пистолета не хватает? Что за странная причуда, Аля?

Меня почему-то это злило. Казалось, что он сомневается во мне, подчеркивает лишний раз взбалмошность характера и даже приравнивает мое увлечение к обычным дамским капризам. И однажды я вдруг выпалила:

– Вот разберусь, с чем легче работать с одной рукой, и начну заказы брать на устранение неугодных!

Саша хохотнул, но в его глазах я вдруг прочитала, что он не принял мои слова за шутку.

– А что? – увлекаясь, продолжила я. – Сам подумай: кому в голову придет заподозрить хромую и однорукую девушку в том, что она может запросто прострелить голову какому-нибудь банкиру, например? А дело-то нехитрое – выбери правильное место и просчитай распорядок передвижений, только и всего.

– Замолчи! – вдруг зарычал муж, и я умолкла на полуслове от неожиданности. – Не смей больше говорить таких вещей! – И, резко поднявшись с постели, Саша ушел из комнаты.

– Хорошо, если он разозлился на «хромую однорукую», а не на «дело нехитрое», – пробормотала я, укрываясь одеялом с головой.

Я не любила моменты, когда Сашка злился. Лучше бы он орал, метал громы и молнии, изрыгал проклятия и поносил меня на чем свет стоит. Но он замолкал и замыкался, словно пытаясь найти именно в себе причины моего раздражающего поведения. Эта манера искать причины в себе меня просто убивала и заставляла чувствовать себя виноватой в сто раз сильнее, чем любые ругательства и упреки. В молчании Акелы было столько тяжелых переживаний и боли, что мне хотелось измолотить себя кулаками.

Читать расхотелось, я отбросила книгу на стол и сжала виски пальцами. Обидела мужа упрямством… И вообще – к чему я завела этот разговор об оружии? Могла бы просто сказать – мол, интересно мне, и все тут. О моих неженских хобби Саша осведомлен прекрасно, вряд ли удивился бы новой причуде.

На самом же деле у меня созрел хитрый план, для реализации которого мне до зарезу нужно было научиться стрелять именно из карабина или винтовки. Я задумала инсценировать покушение на Семена – так, чтобы он испугался и невольно предъявил мне своих поставщиков, с которыми я уж потом решу, что делать. Но сейчас мне нужно сделать все, чтобы помириться с мужем, потому что его напряженное молчание для меня хуже пытки.

Я нашла его в кухне. Саша сидел за столом, обхватив руками высокую керамическую кружку. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином – приборы так и остались лежать на белой полотняной салфетке. Галя еще суетилась в большой кладовке справа от кухни, шуршала там какими-то пакетами, гремела банками и бормотала что-то вполголоса. Я села напротив мужа и скроила виноватую мину:

– Саш… прости меня, я совсем не то хотела сказать. Неудачная шутка, понимаешь?

Он перевел взгляд от оконной занавески, которую перед этим изучал, на меня и усталым голосом проговорил:

– Аля, ты не знаешь значения слова «прости». Ты употребляешь его походя, не вкладывая в него настоящего раскаяния, понимаешь? Это у тебя так же легко, как «доброе утро». Я привык и смирился с тем, что моя жена скорее взбалмошный ребенок, чем женщина, – в конце концов, я сам тебя выбрал, я прекрасно понимал, на что иду, женясь на тебе. Ты ведь и до свадьбы мне во всей красе продемонстрировала все, на что способна. Но это меня не остановило. Я только одного не могу понять: зачем ты стараешься всегда оказаться правой? Всегда быть первой, впереди меня? Зачем соревнуешься со мной во всем?

Я сначала не очень поняла, о чем он, но, когда смысл этих слов дошел до моего сознания, я ужаснулась, насколько мой муж разбирается в моих стремлениях. Я даже себе не признавалась в том, что непроизвольно стараюсь подчинить Акелу, стать выше его, доказать, что могу соперничать с любым мужчиной – даже с ним. Я делала это неосознанно, потому что привыкла так вести себя со всеми представителями мужского рода – с одноклассниками, братьями, одноклубниками по стендовой стрельбе, байкерами. Привыкла доказывать свое право быть на равных в мужском коллективе, а то и выше. И только муж… Да, внешне я

исполняю его распоряжения, прислушиваюсь к словам, но делаю это только тогда, когда сама считаю нужным. Внутри я независима, свободна даже от него, от его влияния, от его слов. Это воспиталось во мне с самого детства – вот эта свобода от чужого влияния, и я всегда прислушивалась только к единственному человеку: к себе.

До меня вдруг дошло, что если я не прекращу вести себя подобным образом, то потеряю его. Акела не из тех, кто позволит женщине руководить собой, а все его уступки – не что иное, как простое исполнение прихотей даже не женщины – капризного ребенка. Черт побери – он не воспринимал меня всерьез, оказывается, и только я сама виновата. Только сама.

– Саша… – господи, как противно дрожит голос… – Сашенька, неужели ты думаешь, что я хочу возвыситься над тобой? Это же неправда! Я этого не хочу, мне не надо!

Он только вздохнул, и в этом вздохе мне снова почудилось снисхождение к избалованной деточке.

– Саша!

– Аленька, перестань оправдываться. Ты не изменишься, как бы сильно я этого ни желал. И мы оба прекрасно это понимаем. – Его рука переместилась с кружки на мою руку, чуть сжала. – Возможно, мне это и не нужно – чтобы ты изменилась, потому что тогда это уже будешь не ты.

– Тогда… что? – вывернула я охрипшим почему-то голосом. – Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Я хочу, чтобы ты научилась уважать меня. Уважать во мне мужчину. Я жду этого все то время, что мы с тобой женаты.

Я опустила голову, стараясь не показать, что с трудом сдерживаю слезы. Слова мужа показались тяжелыми камнями, летевшими в меня. Самое обидное то, что муж прав, я просто никогда прежде не задумывалась об этом. Я бессознательно боролась с мужем за первенство, даже не понимая, что этим унижаю его. Как он терпел столько лет – непостижимо. Он – независимый, гордый и состоявшийся человек – уступал мне. А я в своем слепом и эгоистичном желании быть круче не замечала этого. Если разобраться – а к чему мне крутизна? Неужели я настолько привыкла к роли несгибаемой и железной дочери Фимы Клеща, что даже с собственным любимым мужем боюсь стать другой? Разве Сашке важно это? Скорее – нет, потому что он и жениться на мне не хотел как раз из-за того, что у меня такой отец, чтобы никто не подумал, будто Акела «пошел в зятья». Нужно срочно что-то менять – иначе я рискую остаться одна. Судя по этому разговору, терпение Акелы на пределе, он устал давить себя, уступать и отступать. А как я буду жить без него, когда расстаться на рабочий день невыносимо? Нет, нужно что-то менять…

Я встала из-за стола, подошла к мужу и забралась на колени, обхватила за шею здоровой рукой и уткнулась лбом в грудь. Акела обнял меня и прижался губами к макушке. Я чувствовала его дыхание, стук его сердца, и это успокаивало меня. Мне хотелось стать такой, как он хочет, такой, как он видит, – сию секунду, как по взмаху волшебной палочки. Но глубоко внутри себя я понимала, что так не будет. Мне предстоит трудная работа над собой – трудная и долгая. Но я должна справиться. Вот только разберусь с Семкой – и начну усиленно работать над собой, превращаться в идеальную жену. Думаю, что пара недель особой погоды не сделает.

* * *

Операцию по выбиванию из брата нужных сведений я решила провернуть при помощи охранника Никиты. Он моложе всех моих телохранителей, склонен к авантюрам, и я здраво рассудила, что с ним вполне можно договориться. Я вызвала его к себе утром, когда Саша

и отец уже уехали в банк. Рыжеволосый широкоплечий Никита примчался буквально через пару минут и вопросительно замер в дверях.

– Проходи, не стесняйся.

Вообще в доме не было заведено, чтобы охрана шастала по комнатам, исключая только момент возвращения отца домой – тогда его телохранитель обходил все комнаты и помещения, проверяя каждый угол. В остальное же время телохранители «принимали» нас у машин во дворе, а отдыхали в нерабочее время в специально для этого построенном доме.

Никита прошел к креслу у балкона, сел и вопросительно уставился на меня.

– Тебе можно доверить кое-что? – напрямую спросила я, решив не крутить и сразу обрисовать ситуацию и перспективы.

Телохранитель пожал плечами:

– Вы мне каждый день жизнь доверяете.

– Тоже верно. Слушай, Никита… у меня тут возникло дело одно, о котором я не хочу пока сообщать ни отцу, ни мужу. Но мне непременно нужен помощник, потому что в одиночку я не справлюсь – все-таки состояние еще не прежнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.